

Ольга

КОМАРОВА

МИФ О ДИАНЕ. ИГРА

На этот раз любовь была — игра.
Как будто он был птица дорогая,
а всё вокруг — лишь клетка золотая.
Диана делает круги.
Легки и неминуемы шаги
магические: дымка тает...

А он её всё ближе подпускал.
И не боялся! Он её признал
своею женщиной. Своею Птицей.
И сам её он приручал как мог.
И каждый день был новою страницей
великой эпопеи между строк.

Шаги её узки и сокровенны.
Он плакал бы пред ней, наверное,
когда бы знал о расстановке Сил.
(Он прежде на руках её носил,

когда они встречались меж эпох).
А каждый взгляд её теперь был вдох.
А выдоха он ждал часами
на синей лавочке,
под небесами.

МИФ О ДИАНЕ. СТАЯ

О волки, пумы, рыси, всё зверьё,
скатитесь серою лавиной
подлунною полночною равниной
сюда, ко мне, в неверие моё.

Блестя клыками и зрачками, мехом спин,
хвостами-свечками
крадущейся повадкой
заполните мне сердце, где так сладко
и нежно властвует один

Охотник, светлый господин,
лобан, вожак, владыка Белой стаи.
И сердце моё северное тает,
всегда гордилось, что из льдин.

Красавицы-волчицы, залижите
прохладным языком высокий жар,
на спинах своих сильных унесите
к магическим сияниям Стожар.

Охотничья любовь — как первый снег!
Растает с новыми лучами.
Зачем вы, звери, не туда помчали?
Большая Стая, стыден мне твой бег.

Останови их, Белый, будь мне брат.
Верни мне сердце и Большую стаю.
Поделим Север. Я растаю
в пространствах,
где никто не виноват.

НЕБЕСНЫЙ ПАХАРЬ

Кто это, набранный петитом,
на крыльях радости летит?
Суфлёр, наушник, репетитор?
Мой верный друг?
Мой вечный жид?

Мой ангел! В ватнике кургузом,
в кирзе, обмотках и парше!
Почто ты не послал ни разу
за мной Renault или Porsche?

Не дал мне выиграть на пробу
ни лотерейку, ни джек-пот!
Слал для души моей особо:
то хлад и глад, то кровь и пот.

Такой старательный попался
небесный пахарь по душе!..
Вон он по небу расплескался...
Да я лечу к тебе уже!..

МОСКОВСКАЯ ОСЕНЬ

Москвички курят так же много,
как парижанки.
Стою одна я у дороги, как дирижабль.
Надута вечером московским — парусом —
моя кухлянка.
Я здесь проездом. Я не останусь.
Я — северянка.

По два поэта на километр
одной подземки!..
У нас на севере морозы сели уже,
метёт позёмка.

Здесь в ЦеДээЛе в Дубовом зале
сплошь — гобелены!..

А в Томске-первом, на вокзале,
снег — по колено.

И всякой чукче, то бишь цапле —
своя болотина.

Мы ведь чалдоны, не кацапы мы.
Не зазовёте.

И в «Яблоке» у Церетели
есть червоточина,
и в карте Томска — ну, не успели мы! —
есть неточности.

Мы строим город среди болот,
и краны звенькают.
И ты, Москва, расти такааааааая вот!
Будь здоровенька.

*

Оренбургским белым пухом
под ноги легла старуха
русская зима.

И в посёлке глухо— глухо,
тихо— тихо, губы в ухо
шепчутся дома.

Дымовые перетяги
с севера на юг.
И ленивые дворняги сипнут,
вставши в круг.

Ладить новые полозья
вышел мальчик на крыльцо.
Бог десницей осеняет
малое моё сельцо.

НИКИТКА

Ну всё заряжено,
достигнуто, застёгнуто.
Правая — выгнута.
Левая — согнута.

Я по Никитке ползу улиткой
до Пятихатки.
Иду в «Улыбку» — на память фотку —
теперь солдатка я.

Така нарядная — как статуэтка!
Собою ладная, почти брюнетка.
А на лодыжках — твои танкетки.
Жаль, не хватает мне этикетки.

Мол, дорогая вещь. Не для забавы.
Обгон — слева. Обнос — справа.
А прикоснуться — помой руки.
А поглянуться?! Погладь брюки.

Ну, всё застёгнуто? Застигнуто?
Замётано.
Коль на свидание, да с розою —
я — вот она.

*

Я не буду долго и заунывно читать стихи,
не приручу фламинго,
не станцию фламенко.
И не вышла замуж — за грехи.
И детей растила без алиментов.

Все мои любви встречали пинок под зад,
правды достаивались кривой ухмылки.
От многосерийного мыла российского
«Что делать?» и «Кто виноват?» — одни обмылки.

Бывала любима — не теми и невпопад.
Любила! Не вполне и недолго.
Мы живём здесь так, что не страшит ад.
Умираем — как в Каспий впадает Волга.
Однако же всяк, кто отсюда бежал,
вперёд ногами или с билетом в зубах, —
кончил плохо.
В волчьих глаза моей родины, в волчий её
оскал
с напряжённым вызовом смотрит эпоха.

БАШЕНКА

Кисельная бабушка,
кефирные берега.
Стряпает оладушки
внучикам для забав.

Да забавы внучиков
давно не те.
Бабушка — башенка
грустит в темноте.

Кисейная барышня.
Девичья краса.
Жизнь была сказочная.
Да сказочка — вся.

*

Девочки на пуантах.
Мальчики на понтах.
Девочки в шубках и бантах.
Мальчики в ушанках-унтах.

Мальчики кроют север.
Девочки дома осели.

Мальчики живут быстро —
как летние травы.
Девочки медленно плачут,
рёвы-коровы.

ЧУКОТКА

Ни для кого не остаётся места
в судьбе.
Я — из другого теста, я — не невеста
тебе.
Да, мы не пара. Мы не пара.
Не пара мы!
Мы как татары из-под Самары
с фанфарами
сочтёмся славой. Залижем раны.
Построим дом.
И я — такая — и без охраны, —
где по льду,
где — подо льдом
прйду проломленной подводной лодкой
и всё сломя.
Материк! Материк! Я — Чукотка!
Люблю! Люблю.

НГОНОГО

1

Я вызываю в тебе страх, опасенье,
возмущение, стыд, боль.
Ты — во мне — бесстыдное вожделение,
гордость, ревность, отвагу, любовь.

Ты — красивый, интеллигентный,
мягкий, стильный, едва живой...
Я являю собой киноленту
пёстрых событий, где мы с тобой

едем в «Опеле» в снегу, в буране,
едим мамбу и люля-кебаб,
гуляем с Лёликом в парке, моем раму
на Садово-Кудринской, меняем баб
тебе и машины, целуемся в Египте,
бродим по пустыне под красной Луной...
Ты киваешь, кидаешь двух гуппи
мне за шиворот:
ты во всём солидарен со мной.

Мы просто парочка
сумасшедше влюблённых:
ты — в собаку свою, а я в того,
кто танцует в баре с полуобнажённой
женщиной из племени
Нгоного.

2

Часовая стрелка ползёт к четырём.
А минутная, по следу твоей часовой —
к двенадцати.
Тебе — рано вставать. На мне — дом.
И, значит, пора сдаваться

на милость сновидений.
Тебе — в сердце Европы.
Мне — в пупу Евразии.
Солнечный гений любви
опять напроказил.

Развёл турусы на колёсах,
торосы во льдах,
руку — и посох, нет и да.
И я заворачиваюсь в простыню,
как в спальник, стараясь не вспоминать
Того, кто руками нахальными
охватывает — всю в простыне! —
иль это снится мне? —
женщину из племени Нгоного.

